

Глава 8

После прочтения свитка чтецом в зале воцарилась гробовая тишина.

«Что... что это за стиль изложения?!»

Стоявшие по бокам чиновники усмехнулись. Что за бессмыслица, какой слог! Кто осмелился на такую дерзость? Выставлять себя на посмешище на дворцовых экзаменах ради дешёвой популярности — верный путь к провалу!

Для определения тройки лучших несколько старейшин уже отобрали десять наиболее понравившихся им работ, чтобы представить их на суд императора. Если по поводу последующих мест мнения расходились, то в отношении первого все были единодушны — им должен был стать Юэ Цзе.

Что же до того странного сочинения, то его давно отложили в сторону.

Император Чжаохуань окинул взглядом отобранные десять свитков, и его лицо не выражало никаких эмоций. Он посмотрел на своего главного евнуха.

Цзиньчан, поняв его без слов, взял тот самый, отвергнутый всеми свиток и поднёс его Его Величеству.

Брови императора внезапно разгладились.

— Просто, понятно и по существу. Содержание глубоко и пронизательно. Весьма достойная работа. А вы что скажете?

— Э-э... — проямлили старейшины.

Цзиньчан, перекинув свою мухобойку через руку, добавил:

— Этот юноша из семьи Шэнь к тому же и собой весьма хорош. Если станет таньхуа, то будет вполне заслуженно.

— Действительно, внешность у него незаурядная. Достоин звания таньхуа, — с улыбкой согласился император Чжаохуань.

Все переглянулись. Воля Его Величества была ясна.

Они вытаращили глаза, пытаясь разглядеть в том сочинении хоть что-то особенное. Неужели императору пришёлся по вкусу этот неординарный стиль?

***

Ждавшие в боковом зале кандидаты уже изнемогали от нетерпения. Увидев гонца с указом, они поспешно пали ниц. Шэнь Цинхэ, затесавшись в толпу, видел, как у его соседей дрожат руки и на лбах выступает пот. В этом плане ничего не изменилось со времён его прошлой жизни — выпускники, ждущие результатов экзаменов, выглядели точно так же.

Сам он не испытывал особого волнения — ровно до тех пор, пока не услышал, что стал одним из трёх лауреатов, таньхуа. Золотой свиток оказался у него в руках, и его уже подталкивали к императору для выражения благодарности, а он всё ещё не мог прийти в себя.

«Император... он что, подсудил мне?!»

Его сочинение, полное отсебятины, и вдруг — таньхуа?

Великая Юн обречена.

Тот самый кандидат, с которым он переговаривался перед экзаменом, теперь смотрел на него с осуждением. Не знать даже знаменитого рода Юэ и при этом войти в тройку лучших — это же просто насмешка!

В зале император Чжаохуань уже спустился с трона. Сегодня на нём была простая одежда, не такая величественная и тяжёлая, как парадный наряд. Рядом стоял маленький евнух с подносом, на котором лежали три бутоньерки из золотых и серебряных цветов.

После объявления тройки лучших следовал торжественный проезд по городу. Чжуаньюань получал золотой цветок, а баньянь и таньхуа — серебряные. Вся процессия новоиспечённых цзиньши должна была объехать столицу — честь, которая выпадает лишь раз в жизни.

Император Чжаохуань взял золотой цветок, прикрепил его к одежде Юэ Цзе и, похлопав его по плечу, сказал:

— Ты не посрамил имя рода Юэ.

— Благодарю Ваше Величество, — слегка поклонился Юэ Цзе.

Затем он вручил серебряный цветок баньяню — крепкому смуглому мужчине, совсем не похожему на утончённых аристократов, ценившихся в то время.

Ободрив его несколькими словами, император Чжаохуань подошёл к Шэнь Цинхэ.

Полы его одеяния с вышитыми драконами коснулись пола. Император остановился перед ним.

Он не прикреплял цветок и молчал.

Шэнь Цинхэ медленно поднял голову, дерзко проследив взглядом от подбородка императора до его глаз. В прошлый раз он видел его лишь мельком, сквозь завесу головного убора. Теперь же ничто не мешало ему смотреть в эти светлые, ясные глаза.

«Почему он выбрал меня?»

Ответа не было.

— Ваше Величество, — Шэнь Цинхэ улыбнулся, первым отведав взгляд.

— Всего три дня прошло, — голос императора Чжаохуаня был по-прежнему глубоким и приятным, но в нём не было той стальной нотки, что звучала во время допроса. Сегодня он был необычайно мягок со своим таньхуа. — Я читал твою работу.

Шэнь Цинхэ наострил уши, но продолжения не последовало.

Он снова поднял глаза и увидел, что император Чжаохуань смотрит на него с улыбкой.

— Ваше Величество смеётся надо мной, — поджал губы Шэнь Цинхэ.

— Немного обобщённо, — серебряный цветок был аккуратно прикреплён к его чёрной шёлковой шапочке. — Но ты мне по душе.

Не успел Шэнь Цинхэ осмыслить услышанное, как его уже выпроводили из зала. Чиновники из Министерства ритуалов и Министерства чинов, неся императорский указ, били в гонги, расчищая дорогу. Шэнь Чжао, стоявший в рядах чиновников, сердито зыркнул на сына, но тут же, погладив бороду, с довольным видом проследовал за процессией.

Юэ Цзе, в алом одеянии, ехал впереди. Шэнь Цинхэ и банъянь, в тёмно-синих халатах, следовали за ним, каждый на высоком коне.

Чжуанъюань в алом мельком взглянул на своих спутников и, натянув поводья, вырвался вперёд, заняв главенствующее положение.

Под звуки барабанов и радостные крики толпы процессия двинулась в путь. Жители столицы, от мала до велика, высыпали на улицы, чтобы поглазеть на новоиспечённых учёных.

В Великой Юн ценили красоту, и при оценке человека, помимо его талантов и способностей, большое значение придавалось внешности и манерам. Увидев, как хорош собой чжуанъюань в алом, люди стали бросать в него цветы и мешочки с благовониями в знак восхищения. Но Юэ Цзе оставался холоден и неприступен.

Когда же толпа увидела, что следующий за ним таньхуа ещё более ослепителен, цветы полетели и в него. К всеобщему удивлению, таньхуа ловко поймал один из цветков и, поднеся его к лицу, улыбнулся так, что его глаза засияли, словно весенние ручьи. Толпа взревела от восторга.

Тут-то и началось. В него полетели не только цветы и мешочки, но и фрукты, финики, сливы — всё, что было под рукой.

Шэнь Цинхэ испугался. Кажется, он перестарался с позёрством. Он быстро натянул поводья и пристроился поближе к чжуанъюаню.

Юэ Цзе, сидевший впереди с прямой, как струна, спиной, нахмурился, увидев, что Шэнь Цинхэ поравнялся с ним.

— Ты что делаешь? — холодно спросил он.

— Они так любят вас, господин Юэ, — с улыбкой ответил Шэнь Цинхэ. — А я, следуя за вами, тоже купаюсь в лучах вашей славы.

Вынужденный свидетель этой сцены, банъянь, промолчал.

Юэ Цзе холодно хмыкнул, но в этот момент град фруктов обрушился и на него.

Девушки в толпе были не только восторженны, но и метки. Они целились так, чтобы попасть прямо в лицо или на одежду. Шэнь Цинхэ, пригнувшись, прятался за спиной Юэ Цзе и, глядя, как тот, несмотря на удары, изо всех сил сохраняет аристократическую невозмутимость, едва сдерживал смех.

«Вот уж действительно, страдает ради приличий».

Увидев, что золотой цветок на головном уборе чжуанъюаня съехал набок, Шэнь Цинхэ с

улыбкой крикнул в толпу:

— Дорогие дамы, не бросайте всё сюда, красавцы позади нас могут обидеться! Уделите и им немного внимания! — Ещё немного, и тот бы точно вышел из себя.

Юноша улыбался, и голос его был приятен. Толпа с радостью согласилась.

Над главной улицей ещё долго витал аромат цветов и фруктов.

Люйсун и Наньхун, затерявшись в толпе, следовали за процессией.

— Сколько ни смотрю, а наш господин всё равно самый представительный, — сказал Люйсун.

— Величие и изящество господина несравненны, — согласился Наньхун.

<http://bllate.org/book/13438/1196502>